

**Федор
Иванович
Тютчев
1803-1873 гг.**

Тема природы и ее своеобразие в творчестве Ф.И. Тютчева. Основные мотивы и образы. Пантеизм Ф.И. Тютчева.

Картина вселенной

Главный пафос творчества Тютчева – в проблеме истоков, корней бытия: что такое Вселенная и Земля, каковы тайны рождения и смерти, первородных стихий и сил бытия, в чем глубинный смысл Времени, Пространства, Движения. Какое место занимает Человек в мире и в чем его Судьба. Тютчев как бы возвращался к исходным темам познания людьми мира, к тем вопросам, которые волновали человека еще на заре его существования и которые получили отражение в легендах, обрядах и сказках. Старинные образы Матери-Земли, Океана, Солнца, Дня и Ночи, Смерти, Сна и Любви, Человека, Судьбы вошли в его поэзию. ... Тютчев – поэт, а не драматург, но в художественном освоении мира он по-своему близок драматургам. Поэт постоянно усматривает в жизни грандиозные спектакли. Он любит даже само слово «зрелище», оно часто употребляется им в

письмах, а себя он ощущает зрителем. Для него человек – это зритель величественных свершений «богов», «судьбы», истории:

Он их высоких зрелищ зритель,

*Он в их совет **допущен** был... (Цицерон)*

С такой особенностью его художественного мышления связаны и весьма значительные для него образы «завесы», «покрова», «покрывала», «легкой ткани», отделяющих как бы две половины: день и ночь, жизнь и смерть, прошлое и настоящее, настоящее и будущее.

Лазурь небесная смеется,

Ночной омытая грозой,

И между гор росисто вьется

Долина светлой полосой.

Лишь высших гор до половины

***Туманы покрывают** скат,*

Как бы воздушные руины

Вошебством созданных палат. («Утро в горах»)

Занавес то опускается, то поднимается, и человек-зритель смотрит мировые спектакли:

Смотри, как запад разгорелся

*Вечерним заревом лучей... (**Смотри, как запад разгорелся**)*

Лирика Тютчева создает как бы грандиозную мистерию о природном бытии. Мировые силы оказываются предметом лирического изображения. Стихотворения о ночи и дне, о зиме, весне, лете и осени, о грозе и успокоении природы – своеобразные акты единого драматического действия.

Видение

Есть некий час, в ночи, всемирного молчанья,

И в оный час явлений и чудес

Живая колесница мирозданья

Открыто катится в святилище небес.

Тогда густеет ночь, как хаос на водах;

Беспамятство, как Атлас, давит сушу;

Лишь Музы девственную душу

В пророческих тревожат боги снах!

Лирический герой пытается поведать о своем открытии: есть некий час в ночи. Время, когда все земное, наносное, шумное утихает и во «всемирном молчанье» удается **почувствовать ход времени, истории, необъятность космического пространства.** «Оный»: устаревшее слово, означающее «тот». «Явлений и чудес»: человек спит, но все существующее движется и стремится к своей таинственной цели. «Колесница»: образ из античности, которую поэт с детства хорошо знал. «Открыто катится»: не перед кем притворяться, ведь мало кто решится подглядывать за происходящим. «Святылище небес»: образ, видимо, мифологический. Второе четверостишие нагнетает напряжение. «Густеет ночь» (инверсия): тьма становится абсолютной. «Хаос на водах»: собственно, возможен перифраз библейской цитаты, где упоминается «тьма над бездною», над водой. Таким был первозданный мир. «Хаос» здесь имеет отношение не к беспорядку, а к первоначальному состоянию Вселенной. Следом еще одно сравнение: беспамятство, как Атлас. Под последним подразумевается титан, держащий небесный свод. Известен в древнегреческой мифологии. «Давит сушу»: поэту кажется, что человечество забыло, откуда пришло и куда направляется. Муза: покровительница искусств, вдохновляющая поэтов. Ф. Тютчев намеренно пишет это слово как имя, поскольку она – один из главных символов творчества, свободы. «Пророческих снах»: не наяву, а в сновиденье она постигает суть вещей.

«Поэзия дня» и «ночная поэзия» - два значительных жанровых образования лирики природы Тютчева.

...символическое для Тютчева число «два» ...

В «поэзии дня» главным оказывается образ матери-земли. Он обладает широкой обобщенностью. Тютчева интересует бытие матери-земли в его главных, наиболее общих проявлениях, поэтическое сознание увлекают природные стихии, с которыми связано существование земли – воды, огня и воздуха.

Летний вечер

*Уж солнца раскаленный шар
С главы своей земля скатила,
И мирный вечера пожар
Волна морская поглотила.
Уж звезды светлые взошли
И тяготеющий над нами
Небесный свод приподняли
Своими влажными главами.
Река воздушная полней
Течет меж небом и землею,
Грудь дышит легче и вольней,
Освобожденная от зною.
И сладкий трепет, как струя,
По жилам пробежал природы,
Как бы горячих ног ее
Коснулись ключевые воды.*

В стихотворении вся природа представляется единым существом, прекрасной девой, утомленной жарким днем. Словно живой человек, она снимает с себя тяжелый головной убор и груз прошедшего дня, а вечерняя прохлада, как ключевая вода, коснувшаяся ног, освежает и готовит ко дню грядущему.

Произведение написано характерным для творчества поэта четырехстопным ямбом с перекрестной рифмовкой. Из литературных приемов отмечается большое количество эпитетов («ключевые воды», «звезды светлые», «раскаленный шар» и т.д.), характерные для Тютчева олицетворения («жилы природы», «земля скатила», «звезды приподняли»), метафоры («волна поглотила пожар вечера»). Отдельной линией проявляется необычная антитеза – представление воздуха рекой, текущей «меж небом и землею» и в которой герою «дышится легко», но образно – под водой.

В особенности поэта влечет к себе стихия воды. Вода холодна, подвижна и изменчива, она живая, гармоническая, самая древняя и самая могущественная стихия.

Вода у Тютчева получила определение «великой зыби», она и благодатна для матери-земли, так как охлаждает ее и поит, давая жизнь, она же в конце концов и погубит землю.

Последний катаклизм

*Когда пробьёт последний час природы,
Состав частей разрушится земных:
Всё зримое опять покроют воды,
И божий лик изобразится в них.*

Воде противостоит огонь. Он также и животворен и опасен. Если родина воды – глубины земли, то родина огня – небо. Поэтому у Тютчева небо – это «твердь пламенная», «небеса сияют, освещенные огнем солнца. Огонь благодатен, он «родимый», «живой», так как дает свет, тепло и жизнь. Огонь проникает во все: в растения и в человека, он горит в его груди, светится в глазах. Но огонь и зол, это «злой истребитель», «стихийная вражья сила», он «словно красный зверь», пожирающий все живое, все испепеляющий, мертвящий.

Пожары

*Широко, необозримо,
Грозной тучею сплошной,
Дым за дымом, бездна дыма
Тяготеет над землей.
Мертвый стелется кустарник,
Травы тлятся, не горят,
И сквозит на крае неба
Обожженных елей ряд.
На пожарище печальном
Нет ни искры, дым один, –
Где ж огонь, злой истребитель,
Полномочный властелин?
Лишь украдкой, лишь местами,
Словно красный зверь какой,
Пробираясь меж кустами,
Пробежит огонь живой!
Но когда наступит сумрак,
Дым сольется с темнотой,
Он потешными огнями
Весь осветит лагерь свой.
Пред стихийной вражьей силой
Молча, руки опустя,
Человек стоит уныло –
Беспомощное дитя.*

С особенным благоговением поэт относится к воздушной стихии. Воздух – бездна, «бездна голубая» и «животворная». Воздух, как река, опоясывает землю и является условием жизни, она самая легкая и чистая

стихия, которая связывает все живое, вбирает в себя и распространяет проявления жизни, самую жизнь. Но и воздушная стихия может быть грозной. Буря, ночной ветер, холодный ветер приближающейся зимы, зимний колючий воздух враждебны всему живому. От этих противоречий, изменчивых стихий зависит бытие земли.

Как океан объемлет шар земной,
Земная жизнь кругом объята снами;
Настанет ночь — и звучными волнами
Стихия бьет о берег свой.
То глас ее; он нудит нас и просит...
Уж в пристани волшебный ожил челн;
Прилив растет и быстро нас уносит
В неизмеримость темных волн.
Небесный свод, горящий славой звездной,
Таинственно глядит из глубины,-
И мы плывем, пылающею бездной
Со всех сторон окружены.

* * *

О чем ты воешь, ветер ночной?

О чем так сетуешь безумно?..
Что значит странный голос твой,
То глухо-жалобный, то шумно?
Понятым сердцу языком
Твердишь о непонятной муке —
И роешь и взрываешь в нем
Порой неистовые звуки!..
О, страшных песен сих не пой
Про древний Хаос, про родимый!
Как жадно мир души ночной
Внимает повести любимой!
Из смертной рвется он груди,
Он с беспредельным жаждет слиться!..
О, бурь заснувших не буди,
Под ними Хаос шевелится!..

Образ солнца, солнечного сияния – один из любимых у поэта. Художественная лексика, метафорический состав «поэзии дня» Тютчева несет в себе лейтмотивное слово «свет»: «светлая даль», «светлая» полоса долины, «светлея, стелется дорога», «светло и тихо облака плывут» и т.д., широким потоком включаются в его текст синонимичные слова: «румяный», «радужный», «блестящий», «сияющий», «огнецветный»... Его красочная гамма – лазурь, голубизна неба и воды в смешении с золотом, пурпуром солнца или зелень листвы и воды в, пронизанных огнем солнца, радуга на небе, радужные лучи солнца, «лучезарные вечера», у него «небо пламенное», небесная лазурь «огневая», фонтан «сияющий», «огнецветный». Мир природы как бы светится изнутри, внутри его «родимый» огонь, проникающий во все краски дня.

Самое главное чувство, выраженное в поэзии Тютчева, - это чувство единства человека с миром, природой, космосом, причем это единство означает, что человеческая личность находит природу не мертвой и чуждой себе, а "настроенной" на общение с человеком. В свою очередь, и личность в своем внутреннем мире обнаруживает нечто созвучное природе, в душе обнаруживается действие самых глубоких космических сил. Именно это обнаружение объективного и в то же время мистического единства человек с природой, космосом, Франк означает термином "мистический реализм" Тютчева.

И одновременно этот "мистический реализм может быть назван пантеизмом, потому что он связан с религиозным чувством проникновения в сущность Бога: "...глубокий, непосредственный пантеизм, которым отмечена поэзия Тютчева, есть - в согласии с подлинным существом пантеизма - не просто поклонение внешнему и видимому, как таковому, а прозрение в самом видимом невидимого высшего духовного начала... С одной стороны, в самой природе Тютчев видит проявления божественного духа: земля и небо, весна и сень, ночь и день, гроза и тихая ясность - все говорит о высшем, таинственном, живом и духовном или, точнее, все это сразу и есть эти невидимые сил; для этого сознания не существует ничего только телесного,

поверхностного, мертвого. С другой стороны, столь же мало существует и чисто-духовное в его абсолютной противоположности телесному и отрешенности от него, или, по крайней мере, высшей силы, красот, духовности духовное достигает именно в своем воплощении..."

В то же время пантеизм Тютчева оказывается пронизанным глубоким динамизмом и трагизмом, внутри цельности космической жизни, объединяющей природу, человека и Бога обнаруживается дуализм борющихся сил, который делает эту космическую жизнь непредсказуемой, не поддающейся однозначной оценке. Выражается это прежде всего в том, что для Тютчева погружение в космическую стихию, соединение с космосом не только просветляет человека, не только дарует блаженств и успокоение, как и должно быть при соединении с божественным началом, но погружает личность в стихию, в "бездну темную" и рождает отчаяние и тоску.

Отмеченная черта мировоззрения Тютчева, благодаря которой Франк парадоксально называет это мировоззрение дуалистическим пантеизмом, очень характерно для всей русской философии и даже более широко - для всей русской культуры. Об этом писал Е. Трубецкой, анализируя первый яркий и самобытный этап развития русской культуры - русскую иконопись XII-XV веков.

Трубецкой наглядно показывает, что наиболее характерной чертой восприятия мира, лежащего и в основе русской иконописи, и в основе самого русского православия, является столкновение двух полярных чувств, двух форм отношения к миру; и это столкновение связано с тем, что сам мир понимается составленным из двух полярных сфер. В русской иконе, - утверждает Трубецкой, - "мы находим живое, действенное соприкосновение двух миров, двух планов существования. С одной стороны, потусторонний вечный покой; с другой стороны, страждущее, греховное, хаотическое, но стремящееся к успокоению в Боге существование - мир ищущий, но еще не нашедший Бога" .

В греческой традиции самое главное - это созерцание законченного, статического совершенства и отстраненность от реалий земного мира, в

противоположность этому в русской иконописи главным оказывается представление о динамическом взаимодействии двух сфер бытия, ощущение движения реального, земного мира к миру потустороннему, божественному, страстное желание соединить оба этих мира. Русский иконописец не верит готовому, уже существующему совершенству, которое противостоит миру, он жаждет совершенства, которое должно преобразить человека и весь земной мир.

Точно такой же характер носит пантеистическое мировоззрение Тютчева. Здесь присутствует и чувств божественности природы и человека и осознание их греховности и несовершенства, связанное с парадоксальным присутствием начала несовершенства и темной стихии в самом Боге. Такое представление о Боге и мире невозможно выразить в непротиворечивой, рациональной форме, но в формах поэзии оно находит себе адекватное выражение. В этом смысле Тютчева с полным основанием можно рассматривать не только как великого поэта, но и как выдающегося философа.

Не то, что мните вы, природа...

*Не то, что мните вы, природа:
Не слепок, не бездушный лик...
В ней есть душа, в ней есть свобода,
В ней есть любовь, в ней есть язык...*

*Вы зрите лист и цвет на древе:
Иль их садовник приклеил?
Иль зреет плод в родимом чреве
Игрою внешних, чуждых сил?*

*Они не видят и не слышат,
Живут в сем мире, как впотьмах!
Для них и солнцы, зная, не дышат
И жизни нет в морских волнах!
Лучи к ним в душу не сходили,
Весна в груди их не цвела,
При них леса не говорили
И ночь в звездах нема была!
И языками неземными,
Волнуя реки и леса,
В ночи не совещалась с ними
В беседе дружеской гроза!
Не их вина: пойми, коль может,
Органа жизнь глухонемой!...*